Я твоя черная птица

Автор:
Елена Федина

Я твоя черная птица

Елена Федина

Если охранять тайную ценность богов, можно жить вечно! Можно даже летать… Но взамен убивать своих близких. Жестокая, несчастная, очень старая, она увидела во сне прекрасный белый город, в котором никогда не была. Этот сон пробудил ее душу. Пробуждение было болезненным, как и невозможная для старухи любовь к странному юноше, который над ней посмеялся. От презрения и злости – к любви, жажде свободы, возрождению, самоотверженности и смирению. Таков ее путь, но и его дорога к осознанию себя не легче. Она – стара и жестока. Он – рабски зависим и ничтожен. Она его презирает, он ее боится. У них долгий путь к белому городу, друг к другу и к себе. И к тому последнему выбору, который придется сделать обоим.

Елена Федина

Я твоя черная птица

Дождь поливал всю ночь и всё утро, и под нескончаемый шум его мне снился странный белый город с высокими стройными домами, похожими на паруса огромных кораблей. Потом я проснулась и поняла, что вокруг всё до тоски знакомо: потолок, окна, занавес над кроватью, коврик на полу… И поняла, что ничего не меняется, ничего, ничего… и всё надоело, и мне уже безумно много лет.

Замок Карс вечен, как этот мир, как этот лес, как это небо. И такая же древность в этом замке я. Там внизу, в Парадном зале, в нишах висят портреты всех

баронов Карсти за последние триста лет. За одного из них Людвига-Леопольда я могла бы выйти замуж, но я не успела. Он погиб. Я вырастила его сына Вильгельма, а потом и трех его внуков: Филиппа, Конрада и Леонарда, – и скоро, похоже, возьмусь за правнуков… Я такая же принадлежность этого замка, как железные ворота или расписанная неизвестным мастером стена в подвале.

В то дождливое утро мысли у меня были невеселые, сумбурные и тревожные, и я не могла понять отчего: то ли сон меня волновал, то ли дождь, то ли дурное мое предчувствие.

Я умылась, оделась, туго утянулась передником, собрала под чепец волосы, обошла, как водится, все хозяйственные пристройки, заглянула на скотный двор и на кухню, убедилась, что всё идет своим чередом, и только отчитала нерадивых судомоек, за то, что тарелки не блестят. Я ворчать не люблю, и мне лично всё равно, из какой посуды есть, но Леонард этого не выносит.

Потом Сонита, моя горничная, принесла завтрак, мы обе сидели за столом, и я, как всегда, выслушивала от нее последние новости и кухонные сплетни.

– Она точно беременная! Кьель проболталась, что ее тошнит, и лицо такое бледное-бледное, как полотно. И не говорит никому, даже мужу! Неужели она думает, что никто не догадается?… А вчера только два раза из своей спальни выходила, и глаза такие красные и припухшие, точно плачет без конца. Веста, ты к ней не заходишь?

– Я ей чужая, – сказала я, а сама подумала, что надо наконец зайти к Корнелии и поговорить.

Последний раз мы беседовали с ней полгода назад перед свадьбой. Я уговаривала ее не выходить замуж за Леонарда и дождаться Конрада. Надежды почти не было, но сердце мое мне подсказывало, что он жив. Я и Леонарду говорила, чтоб он оставил эту девушку в покое, и не сомневалась ни минуты, что ничего хорошего из их союза не получится. С тех пор она избегала меня, даже не смотрела в мою сторону, знала, что я никогда не прощу ей.

Со двора в раскрытое окно донеслись мужские голоса, громкий хохот и конское ржание. Это означало, что Леонард проснулся и выезжает на свою утреннюю прогулку.

Он с детства был непоседливым и шумным, самый младший, самый капризный и самый красивый из сыновей Вильгельма. Пока он был в тени отца и старших братьев, его еще можно было терпеть, но Вильгельм давно умер, Конрад три года назад не вернулся из военного похода в Белогорию, а Филипп, самый старший, сорвался с утеса. Я растеряла своих любимцев.

– Пойди на кухню, – сказала я Соните, – напомни, чтобы ровно через час накрыли стол в трапезной, раньше он не вернется. Позже тоже.

У Леонарда прижилось десять-двенадцать приятелей, которых я терпеть не могла. Родовитые и безродные вовсе, они все были бедны и никчемны, преданно смотрели ему в рот, развлекали его, как могли, и поддерживали все его безумные затеи. Леонарду же ничего путного в голову прийти не могло. Он не знал, куда деться от безделья и от своего богатства.

Филипп сутками пропадал в библиотеке, сочинял книги, вел переписку с какими-то мудрецами, знал с десяток языков и наблюдал звезды. Конрад был молчаливый воин и охотник. Леонард же умел только развлекаться и отравлять всем жизнь.

Я задумалась и не заметила, как ушла Сонита, как стало тихо во дворе, как жаркое утреннее солнце высушило следы дождя. Начался еще один длинный день, и мне предстояло его прожить.

Я решила, что сделаю это в лесу. Там никто не орет пьяные песни, не гогочет и не стравливает собак во дворе. Там можно побродить в тишине и прохладе, помолчать и подумать о своей такой длинной и такой унылой жизни…

Из леса я возвращалась под вечер с букетиком полевой гвоздики и лукошком малины. Перед самыми воротами, на мосту через нашу речку сидели вездесущие приятели Леонарда, которых я про себя называла прихлебателями, и распевали песни. Мне так не хотелось проходить мимо них, что я сделала крюк до переправы. «А как мы поднимемся, а как мы поскачем!» – неслось мне в спину. «Хоть бы вы и в самом деле ускакали куда-нибудь!» – думала я, – «всем скопом!»

Дома, у себя в гостиной, я увидела Корнелию. Я и сама к ней собиралась зайти, только никак не могла придумать повода, поэтому застыла в дверях от

неожиданности.

– Не удивляйся, это я, – сказала она устало.

– Случилось что-нибудь?

– Давно.

Она всегда казалась мне существом неземным и недоступным, высокая, очень тоненькая, почти бестелесная, гладко причесанная, строго одетая и гордая до заносчивости. Лицо ее как будто рисовал самый кропотливый художник и самой тонкой кистью: синие глаза, черные брови, алые губы… Она была очень красива, но совсем не той красотой, что нужна была Леонарду. Никак я не могла понять, старая дура, зачем он на ней женился?

Только на первый взгляд эта история казалась романтичной: старший брат погиб, а младший не оставил его невесту в тоске и одиночестве и предложил ей руку и сердце. Во-первых, никто не доказал, что Конрад погиб, а во-вторых, она как была одинокой, так и осталась. И это было видно по ее несчастным глазам.

Я переобулась, поставила цветы в вазу, закрыла окно и устало села на диван. Корнелия стояла напротив, хмуря черные брови.

– Я не хотела к тебе идти… но мне больше некуда…

– Давно бы так. Что я, враг тебе что ли?

Она посмотрела недоверчиво, прекрасно понимая, что любить мне ее не за что. Потом сказала решительно:

– Ты должна мне помочь, Веста.

– Смотря в чем.

– Я не хочу этого ребенка.

– Что?

– Я вообще не хочу иметь детей от этого человека.

Мне сразу стало ясно, что переубеждать ее поздно. Корнелия всё решила, поэтому и пришла.

– Как же ты собираешься жить? – спросила я, – и зачем?

– Зачем? – она слабо усмехнулась, – это ТЫ меня спрашиваешь? Ты сама прожила сто лет и ни разу не рожала. И по тебе не скажешь, что жизнь для тебя мука.

– Причем тут я, Корнелия? Не смотри на меня, мою судьбу тебе не повторить, придется жить по-своему.

Она нервно заходила по комнате, и я поняла, что ответа на мой вопрос у нее нет. Есть только презрение к Леонарду и досада на свою былую глупость или слабость.

– Господи, – сказала она, стискивая руки, – как хорошо быть старой! Когда всё уже позади, и ничего не надо решать… пусть другие мучаются… Хорошо тебе, Веста!

– Ты хочешь стать старухой? – усмехнулась я.

– Я хочу, чтобы всё было позади, далеко позади, и чтобы меня оставили наконец в покое!

Мы долго смотрели друг на друга. У нее была собачья тоска в глазах и хмуро сдвинутые брови. Она злилась сама на себя и, кажется, и вправду завидовала тому, что у меня всё позади, что не было у меня ни детей, ни мужчин, а значит, и неразрешимых проблем, что каждый день мой похож на другой, и все уже давно меня оставили в покое. И я бы с ней согласилась, если б не снился мне иногда этот странный город с домами огромными и белыми, как паруса, и не просыпалась я в тоске и растерянности, словно ждали меня где-то и не дождались.

– Тогда я тебя не остановила, – вздохнула я, – не смогу остановить и в этот раз. Я помогу тебе, Корнелия, но я тебя не одобряю и не жалею.

– Хорошо быть правой, – кивнула она, – всё знать наперед, всем указывать… Ты когда-нибудь ошибалась, Веста?

– Никогда, – сказала я строго, – иди к себе и еще раз подумай. А я нарву тебе травы, пока не село солнце. Завтра к вечеру она настоится.

– Спасибо, – сказала она со странной усмешкой, шагнула к двери и оттуда уже в тоне приказа добавила, – торопись!

До заката времени у меня оставалось мало. Я надела сапоги, потому что трава Изой растет на болоте, повязала платок от комаров и накинула шаль. Корзинка не понадобилась, для нашего черного дела хватило бы и двух стебельков.

Обходить пьяную компанию на мосту мне было уже некогда. Они по-прежнему распевали песни и никуда не ускакали. На перилах сидел Веторио с лютней, его поддерживал огромный Кови, рыжий Софри плевал в воду, Леман и Аристид развалились прямо на досках, вытянув ноги, с ними были девчонки из прислуги. Было еще тепло и безветренно, и очень торжественно опускалось малиновое солнце к черной гряде леса.

Веторио пел частушки, которые прямо на ходу и сочинял обо всем, что попадалось на глаза. Наконец на глаза ему попалась я, и он не раздумывая, задорным голосом пропел: «Тетка Веста до сих пор невеста!»

Это тонкое наблюдение всех очень развеселило. Раньше никому в замке и в голову не приходило надо мной насмехаться. Слишком особенное у меня было положение: и со слугами, и с хозяевами я была на равных. И мне было слишком много лет. Возможно, это кого-то и раздражало, но все молчали и старались просто меня не замечать. А этот музыкантишка выбился у Леонарда в любимчики и окончательно обнаглел.

Я прошла мимо, никого не замечая, особенно этого шута, который, очевидно, считал себя очень остроумным. Мне хватало своих забот.

«И не старая карга, а просто к шалостям строга» – добавил он мне вслед, и все загоготали.

Тут я уже обернулась, чтобы строго, уничтожающе на него зыркнуть, и чтоб он понял наконец, что так просто ему это не сойдет. И этот рифмоплет, как ни странно, всё осознал за две секунды. Он был не пьян, и улыбка его превратилась в застывшую маску. Остальные по-прежнему смеялись, но уже над нами обоими: злобной старухой и праздным балбесом, ненароком ее раздразнившим.

Я плохо справлялась с приступами гнева. Поэтому уходила быстро, почти бежала к спасительному и прохладному лесу, в котором у меня было важное, как раз для злобной старухи подходящее дело, и надо было успеть до заката солнца, и не провалиться в болото, и не порвать шаль об ветки, и не расчувствоваться, ни в коем случае не расчувствоваться! «До сих пор невеста…» Мальчишка, болван, пустомеля! Если б ты знал…

Возвращалась я уже в темноте, на мосту никого не было, только тихо журчала вода в реке, да смотрелись в нее голубые летние звезды. Их было немыслимо много: и больших как капли росы, и маленьких как песчинки, и небо казалось огромным и глубоким, таким, что дух захватывает. И я подумала тогда, что только такое небо должно быть над моим прекрасным белым городом.

Потом я прямо под мостом искупалась, смывая с себя всю грязь и пот, и долго лежала на воде, ухватившись за ветку ивы, чтоб не снесло течением. Я смотрела вверх, и как будто не было меня вообще, только эта река и звезды.

Что же я просила в последний раз у Мима? Раз в несколько лет он проведывал меня, и я, зная, что он всемогущий, всегда просила о чем-то. Это было всего месяц назад, ночью, на могиле Филиппа. Тоска пригоняла меня туда и по ночам.

«Оживи его», – сказала я в отчаянии. Он покачал головой в белой маске, которая светилась в темноте, как загадочный лик луны. Я и сама понимала, что спустя год после смерти это немыслимо.

«Тогда оживи Конрада» – сказала я, – «умоляю тебя, ничего мне больше не надо, ничего никогда не попрошу, оживи моего Конрада!»

Мим ответил как всегда не голосом, а мыслью, но и в мыслях его была усмешка: «Конрад жив». Я ломилась в открытую дверь! Конрад жив, Филиппа не вернешь… больше мне ничего от жизни не хотелось.

А теперь я поняла, чего хочу, я поняла, но было уже поздно. Когда Мим появится через несколько лет, всё уже пройдет как наваждение. А появись он сейчас, я сказала бы ему, я умоляла бы его: «Проведи меня в белый город!» Впрочем, он бы всё равно не согласился…

* * *

Мне было душно, и я раскрыла настежь все окна, мне было тесно, и я развязала все пояса, завязки и шнурки, мне было неуютно, и я стала переставлять стулья и перекладывать вещи, мне было тоскливо, но тут я ничего с собой поделать не могла. Что-то нарушилось в монотонном течении моей жизни, что-то случилось с ее ясным смыслом.

«Тетка Веста до сих пор невеста…» – так и вертелось у меня в голове и отзывалось в сердце, в давно уже молчащем моем, окаменевшем сердце. Я как была, так и осталась вечной невестой Людвига-Леопольда. Этот наглец Веторио был по сути прав, до того прав, что у меня до сих пор дрожали руки. Но никто его вообще-то не просил заявлять об этом во всеуслышанье!

Ко мне привыкли в этом замке, и никому уже было не интересно, кто я такая, сколько мне лет, зачем я тут живу, и почему не умерла до сих пор! Тетка Веста и всё…

Я подошла к зеркалу и впервые за много десятилетий посмотрела на себя иначе. Меня не волновало, гладко ли причесаны мои седые волосы, и расправлен ли воротник на платье. Я хотела выяснить, неужели я действительно похожа на такую безнадежную старуху, которой открыто заявляют, что у нее всё позади, и насмехаются над несчастной, словно ей уже и обижаться не положено?

Я была растрепана, утомлена и почти раздета. Я выглядела ужасно как старая ведьма: морщины, набрякшие веки, мешки под глазами, тонкая сухая кожа на руках, тусклые голубые глаза и нездоровая худоба. Волосы у меня всегда были густые и темные, они отчаянно сопротивлялись седине, но после гибели

Филиппа голова моя совсем побелела.

Мне осталось только признать, что Корнелия права, и всё для меня уже в прошлом, заварить ей траву, разобрать постель, взбить подушки, уснуть спокойно и не видеть больше во сне никаких белых городов, залитых солнцем, и в мыслях не иметь заставить раскаяться этого наглого рифмоплета, который ужалил меня как оса.

За моей спиной послышался шорох. Я вздрогнула и, хотя это оказалась Сонита, рассердилась. Неприятно, когда тебя застают у зеркала.

– Я же просила тебя так поздно без стука не входить!

– Ладно, – моя бестолковая служанка пожала пухлыми плечами, – не буду…

Она поставила на стол поднос с чаем и ватрушками и уселась, явно намереваясь посплетничать.

– Ты тут ходишь по лесу целый день и не знаешь ничего!

Я накинула халат и тоже присела к столу.

– А что? Случилось что-нибудь?

– Пиньо заговорил!

У меня всё похолодело внутри от такого сообщения. Мальчик Пиньо, сын конюха, молчал целый год. В тот день, когда разбился Филипп, его нашли недалеко от утеса, избитого, оцарапанного и с обезумевшими глазами. Сначала все пытались от него что-то узнать, но потом потеряли надежду. И вот он заговорил. Сам. Я поняла, что мое дурное предчувствие начинает сбываться.

– Он знает что-нибудь? – спросила я с волнением.

– Он всё видел! Представляешь?!

– Что же он видел?

– Барон спускался с утеса вниз. Там есть такой пологий уступок, где кривая сосна растет, вот там на него и налетела огромная черная птица! Представляешь? Опять эта птица!

– Выдумывает всё ваш Пиньо, – сказала я недовольно, – наслушался сказок про черную птицу и повторяет. Тоже мне новости! Целый год молчать, чтоб сказать такую глупость! Я-то думала, он и правда сообщит что-нибудь важное.

– Ты что, Веста? – Сонита округлила глаза, – не веришь?

– Я в этом замке живу без малого сто лет, – сказала я строго, – никакой огромной птицы тут нет, ее выдумали слуги от скуки.

– Нет! Она и мальчишку клевала в голову! Мы же думали, что это след от камня, а это клюв у нее такой здоровый!

– Приведи-ка мне этого рассказчика, – сказала я строго, – я у него мигом всё узнаю.

Сонита помотала головой.

– Не могу. Он у барона Леонарда.

– Что?! Он потчует этими сказками Леонарда?!

– Конечно!

Я не стала пить чай, накинула шаль поверх халата и отправилась в покои своего несносного воспитанника.

Он царственно прохаживался по открытой летней террасе, на столах горели свечи, с неба светили звезды, в общем, было достаточно светло, чтобы всё рассмотреть.

Мальчишка Пиньо стоял посреди террасы, уныло опустив руки, и поворачивался вслед за Леонардом. Тот прохаживался взад-вперед и был, как всегда, красив и роскошно небрежен. У него вечно было что-то недозастегнуто, недозавязано, недозатянуто, как будто ему жарко, душно и, главное, на всех наплевать. Леонард был слишком ленив, чтобы хорошо владеть оружием, но силой его Бог не обидел, и с виду он походил на заправского воина: высокий, плечистый, с мощной шеей и твердым подбородком. Черные кудри буйно вились над упрямым выпуклым лбом.

Его прихлебатели рядом с ним выглядели, прямо скажем, серыми мышатами. Они сидели по углам, кто – в кресле, кто – на скамье возле перил. Наглец Веторио восседал прямо на столе, ему это позволялось. На лютне играл Аристид, он царапал по струнам неумело, но старательно.

При моем появлении случилось некое замешательство, очевидно, все решили, что я пришла жаловаться на безобразную сцену на мосту. Приживалы-лизоблюды, они не знали, что я никогда не жалуюсь. Леонард же ничего даже не заметил, он никогда не отличался наблюдательностью. Он и моему приходу не удивился, хотя я заходила к нему редко.

– О, Веста! Ты только послушай, что этот сопляк говорит!

– Я за этим и пришла, дорогой, – сказала я, – не хочу, чтобы тебе дурили голову в твоем собственном замке.

Пиньо испуганно попятился.

– Я говорю правду, Веста! Она клевала меня в голову, и даже след остался!

– След? – я подбоченилась, – сказать, откуда у тебя след? Ты просто тоже падал с утеса и ударился о камень. Зачем ты полез на утес? Что ты там делал? Это ты столкнул Филиппа?!

– Я?!

– Подожди, Веста, – Леонард взял меня за плечи и отвел от мальчика, – он бы не смог. И зачем ему врать?

– Вот и я не знаю, зачем ему врать? И кто велел ему молчать, а сейчас заставляет говорить?

Пиньо захныкал.

– Не сомневаюсь, Лео, – добавила я, – что у тебя уже появилась мысль залезть на утес и самому всё проверить.

– А что? – заморгал Леонард, – почему нет? Я надену каску и латы!

– Так я и знала… – у меня просто руки опустились, я смотрела на него с отчаянием, – и ты туда же! Любопытство изведет всех баронов Карсти. Этот утес – ваше проклятье. Знаешь, почему Филипп полез туда? Ему кто-то сказал, что там погиб его дед Людвиг-Леопольд, и что его заклевала огромная черная птица! А знаешь, почему Людвиг-Леопольд туда полез? Он узнал, что так погиб его прадед…

Леонард тупо чесал затылок. Он мало интересовался семейной историей.

– Надо же…

– Опасность в чем-то другом, – настаивала я, – и никакой птицы там нет. И ничего интересного там нет. А вы лезете туда и гибнете… И мне это надоело! Идиотская легенда! Хоть кто-нибудь за последние сто лет видел эту чертову птицу, кроме невменяемого мальчишки с пробитым черепом?! Хоть кто-нибудь, Леонард?! Все только болтают!

Леонард, в общем-то, легко поддавался внушению, как большой ребенок. Меня он привык слушаться. Он приподнял Пиньо за ворот как щенка за шкирку.

– Ну? Кто тебя научил врать?!

Я с облегчением опустилась на стул, считая, что мой последний воспитанник спасен, но тут этот несносный Веторио всё испортил, он сегодня как будто задался целью стать моим врагом.

– Мальчик не врет, – заявил он уверенно, – отпустите его, барон. Я тоже видел эту птицу.

Врал! Самым наглым образом врал! Ничего он не видел, просто мальчишку пожалел, или меня хотел разозлить окончательно.

Пиньо, едва очутившись на полу, помчался от нас, сломя голову. Леонард изумленно смотрел на своего музыканта и снова чесал затылок, похоже, он ему полностью доверял.

– Что ж ты раньше молчал?

– Я не знал, что это ваша семейная легенда, – заявил этот наглец, – она тут часто летает часа в три ночи.

– А у тебя – бессонница? – спросила я, не скрывая злости.

Веторио обернулся ко мне.

– Выходит, что так.

Таких, как он, я за мужчин не считала. Лицо у него было как у девушки, даже пух на нем не рос, мускулатура не развита, одно слово – музыкант! Роста ему тоже не хватало. Правда, волосы были великолепны, пышные, золотистые и всегда чистые, словно он моет их каждый день и укладывает, но и они больше подошли бы женщине. А учитывая, что он был из праздных прихлебателей Леонарда, я вообще не понимала, зачем «вот это» существует на нашей благословенной земле.

Приблизительно такая мысль и появилась на моем лице. И он опять меня понял без слов и усмехнулся, потому что тоже вряд ли понимал, зачем на этой земле существую я.

Я встала. Я поняла, что теперь Леонарда придется терпеливо убеждать не лазить на этот проклятый утес, а при свидетелях мне этого делать совершенно не хотелось.

– Куда же ты, Веста? – удивился мой воспитанник, – сейчас нам Веторио расскажет, что он знает про птицу!

– Не желаю слушать, – сказала я, – я не увидела эту птицу ни разу за сто лет, и не собираюсь выслушивать твоего болтливого шута, который живет здесь от силы полгода.

Веторио только улыбнулся Леонарду и проводил меня идиотским таким поклоном.

* * *

На рассвете я очнулась от бестолкового, отрывистого сна, который не принес ни бодрости, ни облегчения. После умывания я принялась пересматривать свой гардероб. Все мои платья давно вышли из моды, да и моды теперешней я толком не знала. Она мне была ни к чему.

Была. А теперь я сама не понимала, чего хочу. Кому и что я докажу? И зачем? Даже если мне на вид не сто, а шестьдесят, и талия у меня до сих пор самая тонкая во всей округе, всё равно я старуха! Старуха, которой не спится, которая распустила по голым иссушенным плечам седые космы, стоит у зеркала и смотрит на свое отражение с надеждой и что-то в нем выискивает, точно девица на выданье. «Тетка Веста до сих пор невеста!» Наверно, это и правда смешно…

Я нашла самое строгое свое темно-синее платье с серыми рукавами и глухим воротом, уложила волосы попышнее и уж, конечно, не стала надевать никаких чепцов. Получилась благородная пожилая дама с остатками былой красоты, но уж больно истощенная и суровая. Не невеста, это уж точно! Даже для какого-нибудь овдовевшего старика – не невеста. Тем не менее, на это преображение ушло часа четыре. Потом пришла Сонита с завтраком.

– Пиньо опять замолчал, – сообщила она, – говорят, ты на него вчера сильно ругалась?

– Какое мне дело до мальчишки, когда речь идет о жизни Леонарда? – ответила я.

– Но ведь Пиньо говорил правду! Птица была!

Как же мне всё это надоело!

– Да не было никакой птицы! – рявкнула я, – и быть не могло!

Однако моя тупая служанка сдаваться не собиралась.

– Но Веторио же видел! – настаивала она.

Я стукнула кулаком по столу.

– Да врет ваш Веторио! Самым наглым образом! Он болтун! И пустомеля! Видел он! Как же! Бессонница у него! Не летает она по ночам, понятно?! Не летает!

Сонита даже надкусанный пирожок изо рта вынула.

– А… ты откуда знаешь?

– Знаю, – сказала я после долгого раздумья, – собирай посуду и уходи.

Ей было очень любопытно расспросить меня поподробнее, но она знала, что когда я говорю строго, меня лучше сразу послушаться, и нехотя вышла.

Чуть позже я отправилась к Корнели. Ее служанка Кьель посмотрела на меня подозрительно и проводила в спальню госпожи. Наша красавица уже встала, но была до сих пор в халате, накинутом поверх кружевной рубашки, из-под которой просвечивало ее тонкое, розовое тело. Я с трудом могла представить, что это неземное, недосягаемое существо будет корчиться от такой острой, такой женской боли, но жалеть ее всё равно не собиралась. Я разучилась жалеть.

– Ты принесла? – спросила она меня прямо с порога.

– А ты не передумала?

Она молчала, красивая, тоненькая, черные волосы были распущенны, но уже тщательно расчесаны. Растрепанной ее представить было невозможно. А спать она умудрялась так, что на рубашке не оставалось ни одной складочки.

– Убери свою служанку подальше, – сказала я, – она много болтает и подслушивает.

– Я знаю, но другие не лучше.

Корнелия выглянула за дверь и куда-то отправила любопытную Кьель, потом закрыла все замки и вернулась.

– А теперь скажи ради бога, за что ты так ненавидишь Леонарда? – спросила я.

– Какая тебе разница, Веста? – усмехнулась она горько, – он твой любимчик, ты всё равно меня не поймешь.

– Моим любимчиком, как ты выражаешься, был Филипп. А все грехи Леонарда я прекрасно вижу. Ты считаешь, что он распутен и изменяет тебе, так? Извини меня, но таковы почти все мужья. И это не повод не рожать от них детей.

– Веста! Ты рассуждаешь, как обыкновенная старая тетка! Я могла от кого угодно услышать эту избитую истину, но не от тебя… Ты советуешь мне махнуть на всё рукой, наплодить детей и завести любовника в утешение? Неужели это мне подходит?!

Это ей не подходило. Скорей уж монашеское платье.

– Я ничего тебе не советую, – сказала я, – просто хочу предостеречь тебя от заблуждения. Арчибелла, конечно, дурно на него влияет, но у них ничего не было, можешь мне поверить. Они просто друзья детства.

При имени Арчибеллы у нее даже щека задергалась.

– Да как ты можешь такое заявлять, когда у нее вожделение просто на лице написано? – Корнелия нервно заходила по комнате, – если она голая катается с ним на лошадях и вытанцовывает на пирушках? Вакханка! И слышать о ней не

хочу!

– Послушай, еще ни один мужчина не мог похвастаться тем, что поцеловал Арчибеллу Альби, – объявила я, – не говоря уже о большем. Арчибелла – особенная женщина, и я знаю ее с пеленок. Это себе она позволяет всё, а другим – ничего.

– Что-то верится с трудом.

– Но ты мне все-таки поверь. Я давно живу и много вижу.

– Всё равно он от нее без ума! – вспыхнула Корнеля, – и всегда был без ума… Он меня никогда не любил, Веста. Ты можешь сказать, зачем он на мне женился?! Посадил словно кролика в клетку и живет, как ему вздумается!.. Неужели только затем, чтобы хоть в чем-то обойти Конрада?

– Про Конрада ты забудь, – сказала я, – Конрада ты потеряла. Даже если он вернется, он не будет переступать через брата. Надеюсь, ты это понимаешь?

– Понимаю…

– И не передумала?

– Нет.

По-моему, она все-таки не поняла.

– Ну что ж… – вздохнула я, – тогда бери после обеда коня и скачи вдоль реки к утесу. Там я тебя встречу. Леонард мне никогда не простит, если узнает, да и тебе лишние разговоры ни к чему. Ты только не волнуйся, у меня там своя избушка, и в ней найдется всё, что нужно.

На том мы и расстались.

Старший конюх Итрасио смотрел на меня угрюмо и почти враждебно, когда я выводила из конюшни рыжего Лоби. Мне больше нравился серый кроткий Пегас, но на нем ускакал кто-то из свиты Леонарда.

– Твой сын опять молчит? – спросила я, как бы не замечая враждебности.

– Спасибо тебе, – буркнул конюх.

– Знаешь что, я никому не позволю делать из гибели Филиппа сказку для слуг, – сказала я строго.

– Это совсем не сказка, – зло ответил он, – это проклятье для замка Карс и рода Карсти. Да ты и сама это знаешь!

Я не ответила. Подвела Лоби к ступенькам и села верхом. Широкие старомодные юбки позволяли мне ездить в мужском седле. День был жаркий, хотелось снять с себя всё на свете и помчаться с ветерком под палящими солнечными лучами, но что можно молодой цветущей девушке, никак немыслимо для старухи.

Добравшись до проклятого утеса, я чуть не сварилась вкрутую. Место было глухое и безлюдное, Корнелия не появлялась, поэтому я с наслаждением скинула платье и ополоснулась в маленькой прохладной речке, больше похожей на ручей. В ней нельзя было плавать, только стоять по колено в воде.

Утес был прямо передо мной, он нависал мрачной громадой над радостно-зеленой долиной, веселой речкой и торжественно-прохладным хвойным лесом. Солнце светило мне в спину, я видела каждый выступ на этой неприступной крепости, из узких расщелин которой росли одинокие кривые деревца и пучки травы. Я ненавидела этот утес. Он притягивал к себе с непонятной магической силой, он манил, он призывал, источая каждым своим камнем надежду. Какую? Наверное, у каждого свою…

Корнелия явилась на час позже меня и тоже не могла оторваться от проклятого великана.

– Это здесь он сорвался, Веста?

– Да, вон у той сосны в расщелине, если верить вашему Пиньо.

– Неужели он туда долез?

– Это невозможно.

– А как же?

– Он спускался сверху.

– Зачем, боже мой?!

– Откуда я знаю, детка… пошли отсюда, не смотри на него долго, а то еще самой захочется залезть.

– Он как будто живой, этот утес!

– Идем!

Мы взяли коней под уздцы и вышли на узкую лесную тропинку, которая вела к моей старой избушке. Избушка состояла из одной только комнаты с маленькой печуркой, кроватью, столом и двумя табуретками, под потолком висели сушеные травы, в углу стопкой лежали дрова.

Я растопила печку, сходила к ручью за водой и поставила котел на огонь. Корнелия покорно лежала на кровати и грустно смотрела на меня.

– Мы с тобой вдвоем в такой глуши, – сказала она, – здесь никого не бывает?

– Никого. Можешь раздеваться.

Она разделась и снова легла. Тогда я налила из фляги в кружку свой отвар и в последний раз спросила, не передумала ли она.

Корнелия пила отраву спокойно и медленно, словно клюквенный морс. Я разрешила ей погулять полчаса, но она осталась в кровати.

– Веста, а у тебя правда не было детей?

– Правда, – кивнула я, решив полностью удовлетворить ее любопытство, – у меня не было детей, у меня не было абортов, у меня вообще не было мужчин. Женских трудностей я не знала.

– Но почему?! Разве ты не любила никого?

– Любила. Людвига-Леопольда… О, это был настоящий воин, не то, что теперь… высокий, крепкий как скала, смелый, благородный! У него были темные кудри и зеленые глаза… он погиб на этом же проклятом утесе, и я не успела узнать, что такое его объятья. Таких, как он, больше нет.

– Ты любишь только воинов, Веста?

– Я люблю настоящих мужчин. После Людвига-Леопольда мне все кажутся ничтожествами…

– Но разве можно всю жизнь прожить одной?

– У меня были приемные дети, а потом внуки.

– Но ты же понимаешь, о чем я говорю…

– Понимаю, – я усмехнулась и осторожно погладила ее по плечу, – видишь, я жива, и жизнь мне еще не опротивела, хоть некоторые и дразнят меня засидевшейся невестой…

Я позволила себе прикоснуться к этому юному прекрасному существу, которое всё еще продолжала считать неземным, и рука моя ощутила гладкость ее кожи, и шелк ее черных волос, и теплоту ее дыхания. Иногда мне казалось, что я смотрю на нее глазами Конрада, поэтому и восхищаюсь ею так незаслуженно. Вот и сейчас мне почудилось, что это не моя, а его рука прикасается к притихшей Корнелии.

– Странно, – сказала она тихо, – тебе сто лет, а ты совсем не такая старая… почему, а?

Я молча продолжала ее гладить.

– Я знаю, у тебя есть страшная тайна, и ты ее никому не рассказываешь.

– Да ты совсем дитя, Корнелия! У тебя до сих пор на уме сказки.

– Я просто ужасно не хочу стареть и хочу узнать твой секрет.

– Глупенькая, если б я такой секрет знала, я была бы сейчас так же молода и прекрасна как ты.

– А кто-нибудь помнит тебя молодой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/fedina_elena/ya-tvoya-chernaya-ptica

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить